

Свободы воли нет. Но есть «свободное пространство»

Павлов-Пинус К.А., ИФ РАН

Аннотация: Свободное пространство, в терминах которого можно говорить о т.н. проблеме свободы воли, представляет собой теоретическую конструкцию, роль которой аналогична роли свободных объектов в математике. Свободное пространство, лежащее в условиях возможности любой фундаментальной онтологии, ни (пре)детерминистично, ни индетерминистично: оно *может быть понято* либо таким либо иным в зависимости от теоретических целевых установок, эпистемических и технических ресурсов, и тех вопросов, которые призвана разрешить данная теория. Именно в этом смысле свободное пространство «виртуально» и «вероятностно» (где случай с $p=0$ и $p=1$ представляет собой частный – детерминистический – случай), и представляет собой «стратегическое пространство» с плавающим набором степеней свободы: в частности, а) это может быть пространством становления человека в качестве существа *максимально* рационального (по сравнению с другими рациональными существами, например, животными или современной компьютерной техникой), или б) пространством социальных стратегий, определяющих выбор между плановой или рыночной экономикой. В рамках этой конструкции вопрос о свободе воли преобразуется в более широкий вопрос: вопрос об онтологических особенностях «свободного пространства» и о стратегиях «свободной» рационализации жизни образований, квази-детерминированных конфликтующим набором факторов, имеющих культурно-символическое, психологическое и биофизическое происхождение.

Ключевые слова: свобода воли, свободное пространство, замкнутая/открытая детерминированность, ограниченная/неограниченная рациональность, вероятностный анализ

10 ТЕЗИСОВ о т.н. проблеме свободной воли:

Тезис 1. Неправильно говорить о свободе *воли* – воля не свободна, она всегда детерминирована теми определяющими ее факторами, которые оказывают в данный момент наибольшее влияние на принятие решений.

Тезис 2. Тем не менее, *наличие* воли лежит в условиях возможности человеческой свободы: безвольное существо не может быть свободным.

Тезис 3. Различие между а) пре-детерминированностью (т.е. полной предопределенностью), б) замкнутой детерминированностью, и в) открытой детерминированностью позволяет в свою очередь провести различие между а) процессами, иррационально встроенными в окружающую их среду, б) ограниченно

рациональными процессами и в) процессами с неограниченно растущим рациональным ресурсом.

Тезис 4. Процессы с неограниченно растущим рациональным ресурсом возможны только в рамках вероятностной онтологии. Причина: потенциально неограниченный рост рационального ресурса возможен только на основе вероятностного (авто)моделирования спектра альтернативных сценариев.

Тезис 5. В рамках вероятностных онтологий, благодаря способности к адаптации и увеличению рационального ресурса, неограниченно рациональные процессы (устройства, существа) будут всегда со временем «выигрывать» у ограниченно рациональных процессов (существ).

Тезис 6. «Свободными» будет называть такие процессы, которые при определенных условиях способны выбирать менее сильные формы детерминации в ущерб более сильным формам детерминации. Это будет называться *свободой от* той или иной совокупности сильных форм детерминации. Сильные формы детерминации – это те, которые автоматически «побеждают» *при нормальных* условиях. Слабые формы детерминации – это те, которые «побеждают» а) *при нормальных* условиях и б) при условии *отсутствия давления* со стороны сильных форм детерминации. Это, во-первых, требует конструктивного определения различия между нормальными и экстренными ситуациями; во-вторых, указывает на то, что существо (процесс, устройство), которое в условиях принципиального столкновения слабых и сильных форм, всегда оказывается «*сильно* детерминированным», не является свободным ни в каком смысле.

Тезис 7. Свободные процессы будем называть *случайными*, если в экстренных условиях выбор слабых форм детерминации в ущерб сильным оказывается чисто случайным. Это вырожденный, неинтересный случай свободного поведения. Свободные процессы будем называть *рациональными*, если выбор в пользу слабых форм детерминации происходит на основе рациональной стратегии. По определению, замкнуто рациональные процессы (процессы с замкнутой системой детерминант) свободными быть не могут; разумеется, пре-детерминированные процессы также не могут быть свободными. Процессы с неограниченно растущим рациональным ресурсом могут быть как свободными так и несвободными (поскольку это вопрос само-детерминации).

Тезис 8. *Максимально свободным* будем называть такое существо (или устройство), которое способно *изобретать новаторские* рациональные стратегии обоснования выбора слабых форм детерминации. Таким образом, максимально свободное существо одновременно является и максимально рациональным существом, поскольку оно, в частности, оказывается а) *свободным от наличных алгоритмов выбора* стратегий поведения и б) эта свобода оказывается рационально обоснованной.

Тезис 9. Итак, в зависимости от того, а) как определены *критерии* выигрыша/проигрыша при выборе стратегий, б) как определены *списки сильных и слабых* форм детерминации, в) как определен *рациональный ресурс*, оценивающий ситуативный расклад и придающий «веса значимости» взаимно несовместимым исходам в соответствии с определенными *шкалами значимостей* (которые можно

представлять себе как *вероятность актуализации* стратегии осуществления поведения в соответствии с данной «ценностью»), и г) как определено различие между *нормальными и экстренными* ситуациями, мы получаем различные представления о «свободном поведении».

Тезис 10. Во всех случаях, местом осуществления свободного поведения является способность *воображения*: т.е. а) способность системы *моделировать различные сценарии* собственного поведения и б) *на основе вероятностного анализа* принимать максимально рациональное решение. Таким образом человеческая свобода по сути своей укоренена в «свободном пространстве» творческого моделирования, вероятностного анализа и последующей реализации рациональных стратегий. Ключевой момент: свободные существа (процессы, устройства) свободны потому, что встроены в окружающую их среду *опосредствовано*: опосредствующим звеном здесь являются вероятностные модели, служащие «идеализированным образцом осуществления» выбранной (открытой или изобретенной) рациональной стратегии. Свободное поведение – это поведение в соответствии с *образцом осуществления свободы*.

Комментарии к Тезисам

К Тезису 1. Фактически, *понятие* воли, а вместе с ней и *проблема* свободной воли, перекочевало в современный исследовательский контекст из инородной – богословской – метафизической традиции. Богословская форма тематизации «свободы воли» уходит своими корнями в вопрос, главным образом, о *божественной* свободе (ну, или уж во всяком случае вопрос о человеческой свободе является *неотделимым* от вопроса о божественной свободе, а также от божественного всезнания и всемогущества). В рамках современных исследований (если они не являются напрямую теологическими) так вопрос не стоит. Насколько я понимаю, истоки проблемы божественной свободы обнаруживаются в амбициях нарождающегося христианского богословия а) установить радикальное размежевание с языческими формами философии и религии, и б) учредить свое первенство во всех теоретических вопросах. Такова изначальная фигура самообоснования христианского теоретического самопонимания. В отличие от языческих богов, христианский Бог а) безначален и абсолютно первичен, б) абсолютно самодостаточен и не нуждается для своего Бытия ни в каком ином бытии, в) в силу чего статус Творения фактически *ничтожен*: всё, что не Бог, суть ничто, из ничто создано по Его *Воле* и туда же вернется (если на то не будет дополнительных Божественных распоряжений). Нет никаких логических или рациональных оснований для существования нашего мира – это вопрос чистой Благости Божией и Его Всемогущей *Воли*. Для античных философий такие фигуры понимания базовых онтологических сущностей и немислимы, и неуместны: там нет никакой «воли» как онтологически значимой единицы, как нет и понятия «свободы», которая могла бы иметь какое-то *самостоятельное* онтологическое значение.

Предполагаемая богоподобность человеческих существ (слегка, правда, подпорченная первородным грехом *непослушания* Богу) стала теоретически неизбежной предпосылкой для открытия дискуссий на тему о человеческой свободе и человеческой же воле. Но это не было чисто абстрактным интересом: здесь

затрагивался жизненно важный нерв христианства – вопрос о спасении. Если Бог создал грешников *заведомо* грешниками, а праведников *заведомо* праведниками, то вопрос о стяжании божьей благодати превращается в надувательство, а Крестная смерть Христа и Его чудесное воскресение – дешевым фарсом. Вопрос о свободе становится в этом контексте краеугольным.

Разумеется, всё сказанное выше – это моя рациональная реконструкция тех оснований, по которым дискуссии о свободе воли оказались столь важными для средневековой и современной *теологической* мысли. Но мне, как и многим другим исследователям эти метафизические головоломки мало интересны. Вопрос о человеческой свободе для меня важен в контексте современных социальных и естественнонаучных дискуссий. В рамках этих дискуссий, как мне кажется, вопрос о свободе *воли* становится неуместным: человеческую свободу надо уметь тематизировать иными теоретическими средствами. Самое понятие «воли» является перегруженным инородными метафизическими смыслами, которые нам будут только мешать при обсуждении этой проблемы, поэтому от него следует попытаться отказаться (по крайней мере, как от центрального концепта).

К Тезису 2. Тем не менее, как мы уже заявили, наличие воли как таковой лежит в условиях возможности свободного поведения. Совсем безвольное существо не может быть свободным ни в каком содержательном смысле. Однако ж, разумеется, дело тут не в *воле* как некоей таинственной метафизической сущности, а в том, что же именно имеется в виду когда мы говорим о формах проявления чего-то такого как «воля». Я предполагаю, что здесь можно обойтись такими знакомыми феноменами как «усидчивость», «упорство» или даже «упертость», возможно к этому списку можно добавить «целеустремленность» и еще какие-то хорошо знакомые термины, скажем, «преодоление». Думается, что такого рода феномены полностью исчерпывают то, что скрывается за словом «воля». В этих феноменах я не вижу ничего таинственного. Более того, если предположить, что они исчерпывают существо проявления «воли», то становится ясным следующее: самый смысл словосочетания «свободная воля» повисает в воздухе. Действительно, какой смысл можно было бы придать словосочетанию свободная усидчивость? свободное упорство? свободная целеустремленность? свободное преодоление? По-моему, никакого, или уж совсем не тот, который предполагается концептом «свободы воли».

Но вместе с тем оказывается понятным также и то, что без определенного упорства, без преодоления себя, без особой целеустремленности нет и не может быть никакой свободы, разве что случайно, спонтанно осуществленной.

Итак, в разговоре о *человеческой свободе* слово «воля» оказывается если не лишним, то, по меньшей мере, совершенно не корректно употребляемым.

К Тезису 3. Предопределенность – это крайняя форма проявления замкнутой детерминированности. Она имеет место тогда, когда независимо ни от чего в окружающей данный процесс среде происходит только то, что заранее в него «вложено». Соответственно, в любой момент времени в будущем можно точно определить, что будет представлять собой данный процесс (если у нас достаточно информации о нем в данный момент времени). Я не знаю, существуют ли полностью предопределенные процессы – даже современные физики склонны считать, что физические законы историчны по своей сути и контекстуально зависимы (где контекст

задается целостной конфигурацией вселенной и соотношением ее частей). Возможно, это просто удобная теоретическая идеализация (например, для ньютоновской физики). С точки зрения встроенности предопределенных процессов в их среду обитания, они не являются ни рациональными, и ни иррациональными. Они просто есть (такие какие они есть).

Замкнутая детерминация имеет место тогда, когда степень адаптивности данного процесса к окружающим условиям ограничена конечным, неизменным набором условно запускающихся алгоритмов. Например, устройство включения/выключения освещения благодаря светочувствительному механизму. Ясно, что это устройство работает вполне себе рационально, ибо соответствует своему назначению. Но эта рациональность жестко ограничена рациональным ресурсом этого устройства.

Я не уверен, что биологические организмы являются замкнуто детерминированными – не исключено, что живые организмы характеризуются именно наличием хотя бы минимальной степени открытости в плане детерминации. Открытость новым формам детерминации лежит в условиях возможности становления существ с изменяющимся рациональным ресурсом.

К Тезису 4. Замкнуто детерминированные процессы, по определению, не могут быть открытыми. Стало быть, в условия возможности открытых систем должны входить какие-то совершенно новые характеристики. Гипотеза, хорошо показавшая себя с точки зрения своей теоретической и практической эффективности, заключается в следующем: гибкость детерминированных процессов коренится в умении рационально использовать вероятностные процедуры.

К Тезису 5. Это гипотеза, нуждающаяся в дополнительных уточнениях. Дело, очевидно, в том, что конкуренция между ограниченно рациональными процессами и процессами с (потенциально) неограниченным рациональным ресурсом может предрешиться в пользу рационально ограниченных процессов в том случае, если начальные условия таковы, что замкнутые формы детерминации настроены на полное подавление альтернативных сценариев (таково, например, политическое устройство в Северной Корее). Стало быть, наш тезис верен не безусловно. Должен быть достигнут некий порог сложности, приблизительно уравнивающий шансы конкурирующих систем, по достижении которого неограниченно рациональные системы оказываются в выигрыше.

К Тезису 6. Это один из главных с концептуальной точки зрения тезисов. Он содержит в себе два важных момента. а) Он нацелен на избавление от языковых ловушек, связанных ложным пониманием свободы как чего-то такого, что негативно связано с любой формой детерминации (наследие теологии), и б) он нацелен на такое понимание свободы, при котором речь о свободе может иметь место только тогда когда имеется два (или больше) взаимно исключающих сценария, две (или больше) конкурирующие формы детерминации.

Языковые ловушки, таящиеся за концептом свободы, с одной стороны, принуждают к пониманию свободы как ничем не определяемой спонтанности, а с другой стороны, приводят к следующему парадоксу: всякое существо, имеющее *содержательное* представление о свободе, поступая в соответствии со своей идеей

свободы, автоматически перестает поступать «свободно», так как такое поступание представляет собой детерминацию некоей идеей, внутренне определенной содержательно и положительно.

К Тезису 7. Как мы уже говорили, свободное поведение имеет связывать только с процессами, открытыми новым формам детерминации (в частности, само-детерминации), реализующимися в вероятностном пространстве. Одним из важнейших примеров тут – различие между плановой экономикой и рыночной. Одна и та же страна, с одним и тем же человеческим «составом» и экономическими ресурсами, может превратить свою экономику в плановую, может создать условия для частично регулируемых рыночных отношений, а может оставить всё на произвол чисто рыночных отношений. Всё это – вопрос теоретических установок, наличного ресурса и т.п.

К Тезису 8. Это второй по важности тезис. В частности, он еще и еще раз направлен против того заблуждения, в соответствии с которым считается, что рациональность и свобода – вещи несовместные. Наоборот, утверждаем мы – одно есть условие возможности второго, и наоборот. Они включены в процесс взаимно обусловленной, рекурсивной *обоюдной реализации*.

Более того, творческий момент в изобретении новаторских стратегий оказывается, на наш взгляд, сущностным образом связанным не только с вероятностными процедурами, но и с конструктивными процессами типа «диагонального метода» в математике. Этот процесс активно используется при построении важнейших аргументов мета-математического характера и имеет прямое отношение к известным ограничительным теоремам и прочим концептуально глубоким результатам. С точки зрения динамических процессов, диагонализация имеет прямое отношение к творческим процессам еще и потому, что наглядно иллюстрирует *процедуру смены вектора времени*, и причины возникновения новых динамических паттернов.

К Тезису 9. Здесь важно отметить следующее. Классификация различных форм детерминации по типу слабая/сильная является в значительной степени условным. Граница между этими типами не абсолютна. Говоря о человеческой природе, к числу сильных традиционно можно отнести детерминации, связанные с самосохранением и сохранением жизни близких, заботой о здоровье, благополучии, социальной успешности, заботой о самоутверждении в реальном и символическом пространствах, или же заботой об активном отстаивании «традиционных ценностей», с которыми как правило, срастаются намертво, и т.п. К числу слабых детерминант – некоторые моральные нормы (или их нарушения) и ситуации этического выбора, в особенности когда они находятся в серьезном конфликте с теми или иными сильными детерминантами; ситуации, когда приходится прислушиваться к чужим точкам зрения и т.п.

Нередко получается так, что к числу сильных детерминант оказываются принадлежащими этические нормы. Это говорит о том, что этически последовательные люди, как раз, во многом значительно более предсказуемы, нежели откровенные «циники» или «злодеи». Но, разумеется, существуют глубочайшие этические конфликты, *свободное* разрешение которых возможно исключительно в пользу высоких требований этики (поскольку противоположное решение оказывается

решением в пользу габитуальных *автоматизмов*). Иными словами, я хочу сказать, что свобода в значительной степени является ценностно нейтральной.

Вся совокупность человеческих детерминант образует целую сеть иерархий, части которой находятся в принципиальном конфликте между собой. Те жизненные обстоятельства, которые актуализуют собой взаимно исключающие формы детерминант, как раз и можно назвать экстренными, в противоположность нормальным ситуациям, когда конфликт между разными, но одновременно актуализированными «ветками» ценностной иерархии, безболезненно решается в пользу той или иной детерминанты.

Как может получиться так, что стратегия поведения с меньшим «вероятностным весом», может выиграть у стратегии, которой приписана большая вероятность актуализации? Во-первых, чисто случайно (но это неинтересный случай). Во-вторых, надо присмотреться к тому, как вообще работает механизм принятия решений, откуда берутся первичные оценки «весового» распределения в иерархиях значимостей и как происходит процедура перераспределения вероятностей, актуализирующих стратегии принятия решений.

Ясно, что первичные оценки берутся из а) предыдущего личного опыта, и б) из статистически усредненных коллективных представлений о такого рода иерархиях. Самое главное здесь то, что и личный опыт, и коллективные мнения – это суть *модели понимания*. Каждому конкретному индивиду действительность эпистемически доступна именно в свете определенных «моделей», восполняющих чисто эмпирический материал когнитивными связями и рациональными структурами, оформляющими эмпирию. Это делает понятным и следующий шаг.

Существа (устройства, процессы), снабженные возможностью наращивания своего рационального ресурса, помимо стратегии осуществления вероятностных проб и ошибок, способны действовать в соответствии с заранее смоделированным планом действий. Предварительное моделирование действий, основанное на вероятностных процессах, позволяет создавать *разные* модели, у которых «весовое» распределение значимостей может иметь разные конфигурации (при том, что все эти модели относятся к одной и той же сложившейся ситуации). Способность творческого воображения, одновременно рациональная и вероятностная в своей основе, позволяет порождать новаторские модели понимания. Человеческая свобода коренится именно здесь, в способности создавать новые формы понимания, изобретать неожиданные контр-примеры, благодаря способности выведения «далеких» логических следствий, принимать решения в пользу интуитивно более «слабых» стратегий, которые, на деле, оказываются более сильными.

К Тезису 10. Здесь по сути резюмируется всё что сказано в предыдущих Тезисах. Новым здесь является только наше последнее определение, точнее, пока еще не определение, а лишь краткое описание того, что мы называем свободным пространством.

Аналогичная точка зрения на проблему свободы воли излагается, например, в работе:

Дубровский Д.И. Информационная причинность, психическая причинность и свобода воли // 13-ая национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием КИИ-2012: Труды конференции. Том 4. – Белгород: Изд-во БГТУ, 2012. - с. 149-156.